

ПАВЕЛ ЦЫГАНКОВ

ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА ГЕОПОЛИТИКИ В 2000-Х ГОДАХ: ОТНОШЕНИЯ ЕС С РОССИЕЙ

Геополитика во Франции, вопреки встречающемуся иногда противоположному мнению¹, имеет давние, развитые традиции и собственное лицо. У истоков французской геополитической школы стояли такие известные географы, военачальники и политические деятели, как маршал Себастьян де Претр де Вобэн (1633–1707), географ Элизе Реклю (1830–1905), специалист в области морской географии Камиль Валло (1870–1945), автор «Географии человека» Жан Брюн (1869–1930), географ и политический деятель Андре Зигфрид (1875–1959), энтузиаст западноевропейской интеграции Альбер Деманжон (1872–1940), адмирал Рауль Кастекс (1878–1968). Книги таких ее признанных отцов-основателей, как Поль Видаль де ля Блаш (1845–1918) и Жак Ансель (1882–1943), издавались практически в те же годы, что и работы немецких классиков геополитики и самого создателя этого термина – шведского автора Рудольфа Челлена².

Французская школа возникла и развивалась именно в противовес немецкой *Geopolitik*. Не случайно ее зарождение относят к периоду между двумя мировыми войнами. Андре Шерадам (1871–1948) в 1916 г. в работе «Разоблачение заговора пангерманизма»³ выступил с резкой критикой немецких подходов с их жестким детерминиз-

мом и абсолютизацией материальных природно-географических факторов.

Геополитика с момента появления была направлена на выработку и обоснование рациональной внешнеполитической стратегии государства в борьбе за могущество и международное влияние. Французская геополитика не исключение. В то же время ее отношения с французской внешней политикой отличаются своеобразием. Как пишет заместитель директора Французского института международных отношений (IFRI) Филипп Моро Дефарж: «С момента революции (1789) и до начала войны против монархической Европы (1792) Франция старалась донести до европейцев идеи прав человека и освобождения народов... Однако после революции французская внешняя политика постоянно мечется между идеологией и геополитикой»⁴. Иначе говоря, рационально-прагматическая и эмоциональная, ценностно-идеологическая, черты внешней политики страны не только не сосуществовали, но и, периодически сменяя друг друга, рассматривались как разные, даже противоположные средства в утверждении страны на международной арене. «В период Третьей республики Франция, потерпевшая сокрушительное поражение в 1870 г. и подверженная изоляции с

1870 по 1893–1894 годы, не могла себе позволить роскошь идеологических амбиций. Ей были жизненно необходимы союзники, и царская Россия, символ и олицетворение самого жестокого произвола, оказалась идеальным союзником, находящимся в тылу Германии⁵. Напротив, «в 1918–1919 годах Франция, одержавшая победу благодаря своим союзникам, в том числе и Соединенным Штатам Америки, вновь оказалась в плену идеологии»⁶.

В 1919 г. она опять пошла по пути геополитической рационализации: ведь именно стараниями Франции, озабоченной нейтрализацией немецкой угрозы и использовавшей с этой целью концепцию объединения южных славян, «были созданы две геополитические конструкции, искусственность которых проявилась в 90-е годы XX века: Югославии и Чехословакии»⁷.

Идеология и рационализм и в последующие годы остались отличительными чертами международной деятельности Франции. Вместе с тем можно сказать, что в наши дни для ее внешней политики характерно не столько их чередование, сколько сосуществование — хотя и в достаточно противоречивом сочетании — что не может не отражаться на состоянии и содержании современной французской геополитики. И если внешняя политика любого государства во многом определяется, говоря словами Р. Арона, «вечными целями», под которыми он понимал безопасность, могущество и авторитет страны в мире, то «большая стратегия»⁸, при всех ее изменениях, а иногда и крутых поворотах в истории международных отношений, характеризуется как новациями, так и преемственностью. Это справедливо в отношении Франции 2000-х годов. В статье ставится задача осветить традиции и общее состояние современной французской геополитики и ее трактовки «большой стратегии» Евросоюза в отношении Российской Федерации.

1

Взгляды предшественников и основателей французской геополитики отличаются разнообразием подходов и исследуе-

мой проблематики. В то же время их объединяет ряд общих черт, составляющих оригинальность французской геополитической школы. В обобщенном виде они сводятся к следующему.

Во-первых, это неприятие типичного для англо-саксонской и немецкой традиции «объективного закона» дуализма суши и моря⁹. Так, решение пограничного спора Франции и Германии основатель первой во Франции университетской кафедры географии (Нанси, 1872) П.В. де ля Блаш усматривал в превращении Эльзаса и Лотарингии из зоны конфликта между двумя странами в зону сотрудничества. Поэтому для французской геополитики большее значение имеет идея постепенной конвергенции, взаимопроникновения суши и моря — этих противоположных, с точки зрения Х. Маккиндера и других британских, американских и немецких авторов, геополитических сил.

Во-вторых, уже в XIX в. один из предшественников французской геополитической школы Элизе Реклю в своей девятнадцатитомной «Новой универсальной географии» высказывал крайне критическое отношение к социал-дарвинизму, получившему огромное влияние в Германии, и отказывался принимать тезис о борьбе государств за выживание как фундаментальный закон природы¹⁰. Французские геополитики отрицают решающее влияние на политические процессы материальных, природных, географических факторов. В противовес этому они акцентируют внимание на роли образов жизни (Ж. Ансель), символов, иконографии (Ж. Готтманн).

В-третьих, для французской школы характерен не географический детерминизм, а примат воли и инициативы человека. Поль Видаль де ля Блаш резко критиковал Ф. Ратцеля за его географический детерминизм и выдвинул принципиально важный для современной французской геополитики принцип «поссибилизма», согласно которому то или иное пространство только предоставляет государству возможности его геополитической конфигурации, но реализация этих возмож-

ностей зависит от воли людей. Геополитика с этой точки зрения представляет собой сферу духа (*esprit*), самосознания, политической истории и социальной организации жизни. Поэтому роль «природного комплекса» может быть правильно понята только в сочетании с активным, действующим субъектом.

В-четвертых, характерной чертой французской геополитики является упор не на пространственно-географические размеры государств и их естественные границы, а на такие более важные, с точки зрения ее представителей, факторы, как организация территории, ее отношение к коммуникациям (Ж. Готтманн).

В-пятых, французская школа геополитики одной из первых обратила внимание на вопросы социальной географии, что способствовало развитию «внутренней геополитики» — исследованию политического соперничества, наблюдающегося в рамках одной нации (например, в электоральной сфере), формы которого, как правило, исключают вооруженное насилие (К. Валло).

В-шестых, представителям французской школы, в отличие от немецкой геополитической традиции, не свойственна абсолютизация роли и значения государства как субъекта геополитики. Напротив, государство для большинства из них, как и для Ж. Ансея, вторично. Первичны — отдельные локальные общности людей, постепенно осознающие свое единство. Отсюда региональность как исходный пункт размышлений, акцентирующая внимание на взаимодействии локальных пространств, «очагов цивилизации». Это не отказ от мондиализации (термин, который французские международники нередко противопоставляют термину «глобализация»), но движение к мировому единству через сближение и ассимиляцию образов жизни. Ведущим историческим процессом Блаш предполагал создание в будущем мирового государства, но не путем завоевания, как другие геополитики, а путем мирной цивилизационной интеграции.

В-седьмых, критический (и в этом смысле «объективный») взгляд, побуждающий к аналитическим размышлениям, а не предлагающий формальную доктрину. Блаш отказывается от простой констатации фактов и их систематизации. Пространственно-географические факторы не исчерпывают многообразия тех причин, которые оказывают влияние на политическое поведение государства и которые поэтому должны быть дополнены факторами времени, длительности, истории. Указанные факторы не остаются неизменными, статическими, укорененными (*implantés*). Они варьируются, придавая природным феноменам характер текучести (*fluidité*). Подчеркивая значение обменов, отношений, взаимодействий, общений между регионами и странами, представители французской политологии склонны к релятивизму, сознательно избегая придавать своим взглядам характер системы.

Наконец, еще одной чертой французской школы геополитики является склонность ее представителей рассматривать геополитику как метод исследования. Для него характерен акцент на социальных «представлениях» о пространстве и учете сочетания пространственных (локальных, национальных, региональных, мировых, сетевых) и временных (кратковременных, долгосрочных и перспективных) характеристик изучаемого объекта¹¹.

Вышеуказанные черты национальной школы оказывают влияние на современную французскую геополитику, в том числе научные трактовки политики ЕС в отношении России.

2

В оценке российского направления внешней политики ЕС в трудах современных французских геополитиков, при общем их критическом настрое, можно выделить два подхода: эмоционально-идеологический, или ценностный, и рационально-прагматический. Дискуссии между их сторонниками чаще всего не проявляются непосредственно и не носят, как правило, характера прямого столкно-

вения позиций и взаимной критики. Более того, иногда оба подхода парадоксальным образом сосуществуют — хотя и в разных «пропорциях» — в работах одних и тех же авторов. Тем не менее различия между ними довольно существенны.

Заметным является прежде всего преобладание идеологического подхода. Признавая неизбежность экономического и дипломатического сотрудничества, обусловленного взаимозависимостью России и Евросоюза, его приверженцы настаивают на том, что оно должно ограничиваться рамками «избирательного совпадения» позиций. С их точки зрения, условием доверительного и стабильного сотрудничества ЕС с Россией может быть «только принятие и применение европейских фундаментальных ценностей». Поскольку этого нет, то не может быть и «никакого подлинного партнерства»¹².

Ив Лакост пишет: «Претензии России противоречат целям расширения границ свободы в Старом мире». Каким должно быть поведение Запада? «Сначала надо установить правильный геополитический диагноз»¹³. Подобный «диагноз» касается широкого круга вопросов, что может быть проиллюстрировано наиболее типичными названиями публикаций: «Геополитическая революция Европы»¹⁴, «Россия-Европа: риски нового сближения»¹⁵, «Россия-Европа: “Reset”?»¹⁶. Самыми распространенными среди проблем, обсуждаемых в данной связи, являются вопросы внутренней и внешней политики России («Кто управляет Россией?»¹⁷), проблемы безопасности («Угрожает ли Россия Европе?»¹⁸), сотрудничество/соперничество в «общем ближнем зарубежье» («Россия-Европейский Союз: ставки общего соседства»¹⁹), европейская идентичность («Где кончаются границы Европы?»²⁰) и, наконец, универсальные ценности («Россия-Европа: недоверчивый взгляд»²¹).

«После Горбачева и Ельцина, — пишет С. Байу, — Путин разочаровал и напугал Европу. Он избрал националистический, антиевропейский путь, насаждая его авторитарными методами не только внутри

страны, но и в СНГ. Что касается Медведева, то он много говорит о европейском пути, но, похоже, что эта риторика носит чисто “технический характер”»²². Более того, программа модернизации, объявленная Медведевым, имеет целью усилить российскую мощь, а вовсе не демократизировать страну, а инновация российского режима означает, что Россия решила использовать западноевропейцев для создания своего сектора могущества²³.

Беспокойство у представителей данного подхода вызывает то, что, «едва восстановившись от всеобъемлющего кризиса, Россия стала удаляться от западной модели и ориентироваться на модель сильного государства»²⁴. При этом «...логика власти в России имеет свое внешнее продолжение, и кремлевские руководители трудятся над консолидацией авторитаризма, как и своих экономических интересов... в евразийском подбрюшьи (hinterland) европейцев»²⁵. Иначе говоря, «...Россия сохраняет свои претензии на европейские территории, на вмешательство в европейские дела»²⁶.

Как пишет французская исследовательница Франсуаза Том, «...мы поверили в слабую Россию с демографической катастрофой и отсталой экономикой. Мы думали, что перед такими трудностями она обратится к внутренним проблемам и станет перевязывать свои раны». Она полагает, что Россия готовится к агрессивной войне против своих соседей, ослабленных экономическим кризисом»²⁷.

Российско-евросоюзовские отношения, утверждает Ив Лякост, отравляют «жестокие угрозы и враждебные акты России против европейских наций», повторяющиеся энергетические эмбарго, попытки дестабилизации и вооруженные действия против Грузии», а также то, что «Россия использует в своих собственных интересах те стратегические шансы, которые ей предоставляют кризисы, бросающие вызов Западу в Иране или на других геополитических театрах»²⁸.

Сторонники подобных позиций критикуют руководство Евросоюза и Франции за непонимание угроз, которые пред-

положительно исходят от России. П. Верлюиз пишет, что торговля Евросоюза с Россией способствует усилению позиций последней и ее милитаризации. Он предупреждает, что, поддерживая экономические отношения с Москвой, ЕС вооружает ее, подрывая собственную безопасность²⁹. Особенно опасным такое сотрудничество видится в сфере торговли оружием. В частности, это касается договора о продаже России двух французских вертолетоносцев «Мистраль». Контракт на закупку «Мистралей», как утверждает Ф. Том, позволяет России решить сразу три задачи: приобрести высокотехнологичное вооружение, избавляющее от необходимости его разработки собственными усилиями, внести раскол в евроатлантическую солидарность и ускорить закабаление второй из крупнейших европейских стран (Франции)³⁰.

Настойчиво звучит тема раскола, который вносит Россия своей внешней политикой в ряды Евросоюза и НАТО. С этой точки зрения Москва пытается маргинализировать обе евроатлантические организации, развивая сеть двусторонних отношений и играя на расхождении интересов между отдельными странами-членами ЕС и НАТО³¹.

«Геоидеологи» утверждают, что Москва не только осуществляет экономическое давление на свое ближайшее окружение, но и, как показывает пример Грузии 2008 года, не останавливается перед «прямой военной агрессией». После таких сентенций обычно следуют призывы, адресованные ЕС, задуматься об усилении собственного силового потенциала в готовности противостоять «экономическому и военному наступлению» Москвы в постсоветском регионе, который называется «общим ближним зарубежьем», а его прикаспийская и причерноморская части, так же как Кавказ, — еще и «евразийским подбрюшьем ЕС»³².

Имеющиеся в регионе «замороженные конфликты» рассматриваются авторами этой группы в качестве прямой угрозы для Евросоюза. В этой связи приводится

заявление спецпредставителя ЕС по Кавказу о том, что «сегодня, в отличие от того, что было еще несколько лет назад, ЕС располагает необходимыми военными средствами для участия в урегулировании» этих конфликтов. «Россия, — пишет в данной связи Ф. Том, — должна принимать это во внимание, так же, как отныне она должна смириться с невероятным: Европейский Союз не согласится на уменьшение своего присутствия на постсоветском пространстве»³³.

Россию обвиняют в том, что она шантажирует ЕС энергоресурсами и проводит в экономических отношениях с ним протекционистскую политику³⁴. Способствуя «шрёдеризации» европейского политического класса³⁵, она всеми силами стремится «укорениться в сфере процветания и модернизации Запада»³⁶. Представители идеологического крыла французской геополитики проводят прямую преемственность внешнеполитической линии современной России и Советского Союза. С их точки зрения, со времен «холодной войны» ничего не изменилось: идеологическое наступление России на европейские ценности продолжается, а российские идеологи оказывают «отравляющее влияние на европейские элиты», поскольку «не перестают повторять, что природа политической системы мало значит, лишь бы она была “прагматичной”». Это они нашептывают, что заботы о фундаментальных ценностях — не более чем лицемерие, используемое англосаксами с целью разрушения государственности...»³⁷.

В конечном итоге, как утверждает член французской Академии нравственных и политических наук Ален Безансон, «Россия враждебна Европе, она делает все, чтобы помешать ей... Что должна делать Европа? Первое условие хороших отношений Европы с Россией — держаться от нее подальше. Второе: Россия должна уважать новые независимые государства. Сегодня этого нет, и их защищает только соотношение сил. ...Третье условие партнерства: мирное российское государство и менее мракобесная религия...»³⁸.

З

Позицию сторонников рационально-прагматического подхода выразил С. Сюр: «...Лучше способствовать стабилизации страны, а для этого воздерживаться от того, чтобы цинично провоцировать ее старыми методами силовой политики... Европейский Союз заинтересован в стабильной и спокойной России как необходимом партнере в области безопасности и экономики. Если она преодолет в долгосрочной перспективе свои нынешние трудности, разумнее будет не создавать для нее новые фрустрации, которые играют в международных отношениях такую же и даже более важную роль, чем внешне рациональный расчет»³⁹.

Представители прагматиков не призывают к изменению внутривнутриполитических реалий России. Относясь к ним критически, они в то же время считают, что национализация предприятий энергетического сектора «вернула государству контроль над ключевыми позициями, которые были заняты олигархами — прежде всего в области экспорта сырья, в частности, нефти и газа». Как пишет Лоранс Габуло, это был «здоровый выбор гэбистов», позволивший России прийти в начале 2000 годов к «быстрому экономическому росту, совпавшему с президентством Путина»⁴⁰.

Рационалисты-прагматики считают, что между Евросоюзом и Россией существует реальная взаимозависимость, которая оправдывает поиск партнерских отношений как в экономике, так и в области безопасности. Иностранные инвестиции действительно сталкиваются с протекционизмом российского государства, а его руководство подписывает с некоторыми странами-членами ЕС двусторонние договоры, делая их «точками укоренения» России в Европейском Союзе. В то же время и в самой Франции декрет от 30 января 2005 г. о стратегических отраслях предусматривает, что иностранные инвесторы, пытающиеся получить контроль и приобрести 33,33% акций предприятий в семи отраслях экономики, которые считаются «чувствительными», должны предварительно

получить разрешение французского правительства. Еврокомиссия сочла это несовместимым с ценностями свободного рынка и в 2006 г. начала процедуру отмены данного декрета.

Между тем сама Комиссия в сентябре 2007 г. представила к обсуждению «третий энергетический пакет», который содержит протекционистскую статью, касающуюся приобретений в энергетической отрасли. Статья стала предметом спора между странами — членами ЕС, которые заключили с Россией двусторонние контракты. Против инициатив Еврокомиссии открыто выступили Германия и Австрия. В результате, как видно, «равновесие в рамках ЕС между такими ценностями, как свободное движение капиталов и протекционистские меры, необходимые для защиты стратегических отраслей, подвергается сомнению вследствие расхождений между интересами членов ЕС»⁴¹.

Современная Россия — неустранимый субъект международной сцены. Поэтому в вопросах безопасности, так же, как и в сфере экономического сотрудничества, Евросоюзу разумно было бы сделать шаг навстречу ей. «Непримиримость России связана с ее уверенностью в том, что ЕС стремится навязать ей свои ценности в одностороннем порядке и таким способом, который она считает для себя унижительным»⁴².

Авторы этой группы понимают, что новые и потенциальные члены НАТО составляли еще 20 лет назад часть огромной советской территории, и поэтому Россия испытывает озабоченность в связи с расширением Альянса. Признается и «логичность российского предложения обновить архитектуру европейской безопасности: не столько в логике интеграции, сколько в логике установления равноправного сотрудничества с Западом, которое позволило бы России найти решение “вопроса НАТО” и сохранить свое право на особую модель»⁴³. В этом смысле Евросоюзу, допускает Шатре, возможно, следовало бы несколько дистанцироваться от НАТО⁴⁴.

Геополитики-рационалисты полагают, что ЕС должен избегать экономического и

политического соперничества с Россией и восстановить стабильные отношения с ней. С этой точки зрения, идеальным было бы достижение успеха на переговорах по заключению нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, которое компенсировало бы провал аналогичных соглашений 1997 и 1999 годов. Это позволило бы преодолеть настрой Москвы на развитие отношений с каждой страной ЕС в отдельности, а не со всеми с ними вместе.

Впрочем, считает Шатре, поле для маневра у Евросоюза нешироко: или он будет по-прежнему критиковать Россию и дистанцироваться от нее, что чревато риском напряженности в ущерб общеевропейским стратегическим целям, или он станет сотрудничать с ней, но подвергнется риску дать ей возможность удовлетворить некоторые свои цели, касающиеся, в частности, усиления российского влияния в Евросоюзе в ущерб интересам ЕС (в частности, в области энергетики и региональной безопасности)⁴⁵.

Таким образом, в целом французская геополитика настроена в отношении России критически. Но в рамках этой школы существует очевидный разрыв мнений между ценностно-идеологической и рационально-прагматической линиями. При этом очевидным является явное преобладание первой⁴⁶.

4

Большинство современных французских геополитиков предпочитают говорить не столько об интересах, сколько об идеалах и ценностях. Более того, они часто склонны либо отрицать значение интереса как аналитической категории и мотива поведения политических субъектов, либо трактовать его как вторичное по отношению к категории «ценности». Как утверждает С. Сюр: «Страны Западной Европы, по сравнению со странами Центральной и Восточной Европы, более расположены к широкому и стабильному партнерству, но они не могут переступить через свои собственные ценности в области прав человека и политических сво-

бод — ценности, к которым современная Россия относится с пренебрежением»⁴⁷.

В то же время, как пишет Монгрень: «Помимо того что западные демократии суть либеральные, плюралистические и конституционные режимы, это еще и национальные государства, которые обязаны гарантировать внутреннее согласие и внешнюю безопасность своих граждан в мире, где диалектика опасности и уязвимости — эмпирическая данность. Для этого надо включиться в силовые отношения, научиться различать друга от врага (в государственном смысле этих терминов), использовать силу, а иногда и вооруженное насилие»⁴⁸.

Иначе говоря, французские геополитики убеждены, что Европейский Союз может реализовать свою цель — стать глобальным политическим игроком с общей внешней политикой — только при условии достижения военного могущества и обретения внешнего врага. «Необходимо покончить с исключительной опорой на концепцию мягкой силы (soft power). Не потому, что она неэффективна, а потому, что ее недостаточно, — подчеркивает А. Барб⁴⁹. Однако в этом случае, в целях самоконституирования, Евросоюз должен иметь потенциальных врагов, настаивает Жулиани⁵⁰. Подходящим кандидатом на эту роль в числе других стран оказывается, по его мнению, и Россия.

На позиции французских геополитологов-европеистов влияет недовольство бизнесменов ЕС тем, насколько полно им удастся реализовать свои экономические интересы в сотрудничестве с Россией. На одной чаше весов — выгода от совместных проектов, связанных с освоением и эксплуатацией природных ресурсов, использованием все еще сравнительно дешевой российской рабочей силы и возможностей малоосвоенного обширного рынка. На другой — поиски преимуществ, стремление сбить цены на энергоносители, а также нежелание понять особенности российской культуры и принять к сведению несовпадения в иерархии ценностей.

Раздражает вернувшаяся готовность российской стороны упорно отстаивать собственные интересы, несовершенство законодательства России в сфере прямых иностранных инвестиций, коррупция в среде российского чиновничества. Важный фактор — общее ужесточение глобальной конкурентной среды и мировой финансово-экономический кризис. Отсюда *геополитизация* и идеологизация не только экономического соперничества, но и экономического сотрудничества.

Ален Безансон всерьез утверждает, что «французские фирмы плохо информированы о ситуации в России, потому что получают информацию от пророссийских организаций, а те их обманывают. Я имею в виду, — говорит он, — такие “мозговые центры”, как Французский институт международных отношений в Париже, который кишит российскими агентами»⁵¹.

Менее одиозно и гораздо ближе к истине звучит генерал К. Эрик, который подчеркивает, что в эпоху глобализации стратегия государства состоит в завоевании внешних рынков, а это порождает конфликты между игроками. «Сегодня, — пишет он, — для завоевания территорий не нужна война. Отныне нужна война с использованием торговых соглашений, движения капиталов, контроля над центрами экономических интересов... Необходимо сражаться, чтобы сохранить достигнутое, обеспечивать себя продовольствием, энергетическими и индустриальными ресурсами. В этом контексте иногда нужны локальные конфликты, которые все больше и больше теряют свой военный характер, ибо они исходят из политики и экономики»⁵².

Но военно-стратегический фактор не утрачивает значения. ЕС не может решить задачу превращения в мирового политического игрока, игнорируя Россию, а тем более выступая с антироссийских позиций. Евросоюз вынужден лавировать, а это его раздражает: хочется простых и быстрых решений, которые кажутся более эффективными с точки зрения приближения к цели. «Извлечь наибольшие выгоды от нынешнего ослабления России — ог-

ромное искушение. Его испытывают прежде всего ее соседи и бывшие сателлиты. Их чувства понятны, и их нельзя игнорировать. И все же это — опасное искушение», — заключает С. Сюр⁵³.

ЕС хочет военно-стратегической самостоятельности. В то же время он не видит возможности и не проявляет желания дистанцироваться от НАТО. Однако некоторые из представителей французской геополитики, «забегая вперед», представляют дело таким образом, что озабоченности России в области безопасности не имеют отношения к Евросоюзу. При трезвом анализе видно, что стремление «замкнуть Россию как можно теснее в ее собственных границах путем вовлечения ее ближайших соседей в НАТО, стратегического и энергетического соперничества с Россией в Центральной Азии и на Кавказе, проекта размещения системы ПРО на российских рубежах» — все это является целями Соединенных Штатов Америки, а не Евросоюза⁵⁴.

Такое замечание выглядит необычным. Во-первых, потому, что различия в целях США и ЕС подчеркиваются автором из ЕС. Во-вторых, оттого, что он игнорирует очевидное: Евросоюз на самом деле более или менее активно участвует почти во всем, что, судя по цитате, вызывает критический настрой французского аналитика.

Еще один фактор, объясняющий ценностно-идеологические приоритеты французской геополитики, состоит в том, что геополитические центры, институты, академии, лаборатории и обсерватории не могут абстрагироваться от влияния интересов финансирующих их различных кругов французского политического и делового мира. «Внешняя политика Франции на российском направлении, — пишет А. Дюбьен, — это прежде всего политика президента, и она в значительной мере основана на том, что считается его особыми личными отношениями с “властным тандемом” в Москве. Премьер-министр Франсуа Фийон и его кабинет составляют “острие” курса на двустороннее сближение, как и французские деловые круги. Гораздо осторожнее дипломаты, включая

персонал Елисейского дворца, как и высшее звено военной иерархии, сложившейся еще в эпоху «холодной войны»⁵⁵.

Политические позиции организаций и структур, поддерживающих геополитические «мозговые центры», часто конкурируют друг с другом. Те или иные из «фабрик геополитической мысли» возглавляются лицами, представляющими разные социальные группы с несовпадающими интересами. В то же время они стремятся иметь «диверсифицированные» источники финансирования, при этом доминирование среди них тех или иных государственных или частных структур тоже может носить временный характер. Например, ИФРИ, один из престижных и уважаемых экспертно-аналитических центров, уделяющих внимание геополитическим исследованиям, финансируется на 40% государством и на 60% бизнесом. Директор Института математик-международник Т. де Монбриаль — заметная фигура среди французских интеллектуалов. В прошлом он был президентом Института Франции — аналога Российской академии наук. ИФРИ входит в круг экспертных центров, к которым обращаются за консультациями министерства, предприятия и фирмы, сотрудничающие с российскими партнерами.

Другие геополитические структуры возглавляют (или занимают в них ведущие должности) отставные генералы и адмиралы, преподаватели военных образовательных учреждений, экс-чиновники правительства или структур ЕС. Некоторые центры ассоциированы с госуниверситетами (например, Центр «Фукидид») и, следовательно, с Министерством образования. В то же время значительная часть их бюджета формируется за счет иных государственных ведомств и частных источников. Со всем этим связаны особенности политических оценок и непоследовательность в этих оценках — явление, впрочем, характерное не только для Франции.

Дилемма «права человека/экономические и стратегические интересы», о которой спорят французские геополитологи, по существу означает, что аргумент «фун-

даментальных ценностей» используется или не используется как инструмент обоснования той идеологической позиции, которую бывает необходимо обосновать в каждой конкретной ситуации отдельно. Евросоюз включает в программу «Восточного соседства» далеко не либеральный Азербайджан, но постоянно подчеркивает ценностные расхождения с Турцией. Страны ЕС критиковали Россию за «непропорциональное применение силы» в 1990-х годах в Чечне и в 2008 г. — в ходе «пятидневной войны» на Кавказе. В 1999 г. эти же страны, грубо нарушив международное право, бомбили Сербию, в результате чего погибло не менее двух тысяч мирных жителей и нанесен серьезный ущерб инфраструктуре. Весной 2011 года, превышая мандат ООН, по инициативе Франции начаты продолжавшиеся полгода ожесточенные бомбардировки Ливии, в результате которых тоже погибли тысячи мирных граждан.

Французские геополитики весьма снисходительны к М. Саакашвили, продолжая считать его поборником демократических свобод, и называют «оранжевую революцию» образцом борьбы за «фундаментальные ценности». Не убедительно, но и не странно: ни Грузии, ни Украину во Франции не считают ни чем, похожим на конкурентов в борьбе за рынки и контроль над фрагментами политических и экономических пространств. Зато эти страны хочется использовать в конкуренции с Россией, самостоятельность которой кажется геополитикам «возмутительной» и «опасной».

* * *

Ценности не могут трактоваться в отрыве от конкретных условий, места и времени, конкретных традиций и культур. В политической философии много лет ведется полемика между максималистами — сторонниками универсальности моральных норм, прав и свобод человека, и минималистами, настаивающими на различиях в их трактовке и практическом воплощении, связанных с особенностями истории и культуры народов и неравенст-

вом их экономических возможностей⁵⁶.

Известный политический философ Майкл Уолзер не без иронии пишет о двух видах универсализма: «Первый распространен среди европейцев, убежденных, что только они обладают правильным пониманием законов и прав человека. Опыт наций, которые не разделяют этого понимания, считается не имеющим буквально никакой ценности, а особенности истории этих наций — кажутся не более чем частными и печальными зарисовками бессмысленных событий... Второй — больше настаивает на необходимом уважении не только к особенностям истори-

ческого развития тех или иных народов, но и к отличиям в их видении законов и прав человека. Этот вариант универсализма требует большего уважения к особенностям опыта страданий и, следовательно, к особенностям путей к освобождению от них»⁵⁷. Трактовка «фундаментальных ценностей»⁵⁸, на которые ссылаются французские геополитики, по принципу «свой» — «чужой» выполняет задачу сохранить единство внешней и оборонной политики стран Евросоюза путем мобилизации против общего врага, поиском которого продолжает заниматься эта ветвь французской политологии.

Резюме

В статье рассматриваются традиции и преемственность в развитии французской геополитической школы, ее институализация после окончания «холодной войны» и особенности трактовки «большой стратегии» ЕС в отношении России. Автор выделяет два основных направления такой трактовки — рационально-прагматическое и ценностно-идеологическое, показывая преобладающее влияние второго и анализируя основные факторы, лежащие в основе общего критического отношения французских геополитологов к российскому направлению внешней политики Евросоюза.

Ключевые слова: геополитика; геостратегия; геоэкономика; традиции французской школы геополитики; современная французская геополитика; Европейский Союз; Россия; ценностно-идеологическое и рационально-прагматическое направления в современной французской геополитике; ценности и интересы.

Abstract

The article deals with the tradition and continuity in the development of the French geopolitical school and its institutionalization in the post-Cold War years, especially regarding its interpretation of the EU «grand strategy» with respect to Russia. The author identifies two main characteristics, which is a gap between rational and pragmatic considerations, on one hand, and values-driven assessment on the other. The author shows the dominant influence of the latter and analyzes the main factors underlying the general critical attitude French geopolitics thinkers towards Russia.

Keywords: geopolitics; geo-strategy; geo-economics; traditions of the French school of geopolitics; the geopolitics of modern French; European Union; Russia; ideological and pragmatic trends in contemporary French geopolitics; values versus interests.

Примечания

¹ См., напр.: Почему французы не так сильно интересовались геополитикой? (<http://old.k2kapital.com/training/polit/detail.php?ID=457794>).

² Так, работа Хаусхофера *Wehr-Geopolitik* была издана в 1932 году (Karl Haushofer, 1932, *Wehr-Geopolitik*, Berlin, Junker und Dünhaupt), а работы Жака Анселя «Геополитика» и «География границ» — соответственно, в 1936 и 1938 гг. (Ansel, Jacques. *Geopolitique*, Delagrave, 1936; *Géographie des frontières*, Paris, Gallimard, 1938). Книга П.В. де ля Блаша «Восточная Франция» увидела свет в 1917 году (Paul Vidal

de la Blache. *La France de l'Est*), т.е. спустя год после издания Рудольфом Челленом, автором термина «геополитика», его книги «Государство как форма» (Rudolf Kjellén, 1916, *Staten som liffsform*).

³ Cheradame A. Le plan pangermaniste démasqué. Le redoutable piège berlinois de la partie nulle. Paris, 1916. [русский перевод: Андре Шерадам, Разоблачения заговора пангерманизма, Нью-Йорк 1916].

⁴ Филипп Моро-Дефарж. Введение в геополитику. М., 1996 (<http://grachev62.narod.ru/dfrg/content.htm>).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Термин «большая стратегия» «Под «большой стратегией» в США понимают концентрацию всех дипломатических и военных ресурсов страны на достижении одной основополагающей задачи — задачи, имеющей жизненное значение для государства. ... Реализация «большой стратегии» предполагает сосредоточение внимания государства в тот или иной момент на определенном регионе планеты...». Кирилл Бенедиктов, Борис Межуев. Россия в интеллектуальном вакууме // Русский журнал. Выпуск 03 (45), 15 февраля 2010, С. 2. [Kirill Benediktov, Boris Mezhuiev. Rossiya v intellektual'nom vakuume // Russkij zhurnal. Vypusk 03 (45), 15.02.2010. P. 2]

⁹ Подчеркнем, что речь идет о доминирующей традиции, которая, разумеется, не исключает иных, даже противоположных взглядов. А. Шерадам, например, находился под явным интеллектуальным влиянием Хаусхофера, чем внес своего рода «негативный вклад» в разработку французской геополитической исследовательской школы с ее несходством принципиальных позиций и подходов с немецкой Realpolitik.

¹⁰ См. об этом: Yves Lacoste. Élisée Reclus, une très large conception de la géographie et une bienveillante géopolitique. // Herodot. 117, Deuxième trimestre 2005.

¹¹ André Brigot, compte rendu Études internationales, vol. 34, n° 3, 2003, p. 553 (<http://id.erudit.org/iderudit/038717ar>).

¹² Jean-Sylvestre Mongrenier. Le « nihilisme juridique » russe et la géopolitique Russie-Occident, le 23 janvier 2011.

¹³ Lacoste Yves. La Russie menace-t-elle l'Occident? (www.diploweb.com).

¹⁴ Verluise Pierre (dir.). Une nouvelle Europe. Comprendre une révolution géopolitique. Paris, Karthala, 2006.

¹⁵ Thom Françoise. Russie-Europe : les risques du « redémarrage » (http://www.diploweb.com/_Francoise-THOM_.html).

¹⁶ Russie-Europe : « Reset »? (<http://www.diploweb.com/Russie-Europe-les-risques-du.html>).

¹⁷ Raviot Jean-Robert. Qui dirige la Russie? (www.lignes-de-reperes.com).

¹⁸ Lacoste Yves. La Russie menace-t-elle l'Occident? J.-S. Montgrenier, éd. Choiseul. le 9 janvier 2010.

¹⁹ Facon Isabelle. Russie-Union Européenne : l'enjeu du voisinage commun // Annuaire Français de Relations Internationales.

²⁰ Bernard DORIN, Ambassadeur de France. Où s'arrête l'Europe ? <<http://www.diploweb.com/forum/europe07035.htm>>

²¹ Bayou Céline. Russie-Europe : un regard empreint de méfiance. le 15 octobre 2010.

²² Bayou Céline. Russie-Europe : un regard empreint de méfiance. le 15 octobre 2010.

²³ Thom Françoise. Op. cit.

²⁴ Bayou Céline. Russie-Europe : un regard empreint de méfiance. le 15 octobre 2010.

²⁵ Mongrenier Jean-Sylvestre. Le « nihilisme juridique » russe et la géopolitique Russie-Occident. le 23 janvier 2011.

²⁶ Besançon A. Les frontières orientales de l'Europe. Les cas russe.

²⁷ Thom Françoise. Russie Europe : les risques du « redémarrage » (http://www.diploweb.com/_Francoise-THOM_.html).

²⁸ Lacoste Yves. La Russie menace-t-elle l'Occident ?

²⁹ Pierre Verluise. Comment l'UE arme la Russie (<http://www.diploweb.com/europeverluise06052.htm>).

³⁰ Thom Françoise. Op. cit.

³¹ См. об этом: Verluise Pierre. URSS-Russie, 1991-2011 : quels héritages stratégiques à l'égard de l'Union européenne ? le 22 mai 2011; Mongrenier Jean-Sylvestre. La « question d'Occident ». Lundi, 18 Octobre, 2010.

l'Institut Thomas More. (<http://www.institut-thomas-more.org/fr/actualite/la-question-doccident-.html>); Bayou Céline. Op. cit.; Thom Françoise. Op. cit.

³² Mongrenier Jean-Sylvestre. Le « nihilisme juridique » russe..., Op.cit., Kevin Limonier. La flotte russe de mer Noire à Sébastopol : une « forteresse impériale » au sud ?

Facon Isabelle. La crise géorgienne, un tournant dans les relations de sécurité Russie-Occident? // Annuaire Français de Relations Internationales. Volume X, 2009. Géopolitique de la Russie: Vladimir Poutine, an III. (<http://www.diploweb.com/p5massada26.htm>) (2003); Guéneq Michel. La Russie et les « sécessionnismes » géorgiens // Herodot, n°138, La Découverte, 3e trimestre 2010.

³³ Facon Isabelle. Russie-Union Européenne : l'enjeu du voisinage commun. // Annuaire Français de Relations Internationales. 2007, volume VIII, p.636.

- ³⁴ Bayou Céline. Le gazoduc nord-européen: révélateur d'une nouvelle géopolitique des rapports Russie-Union européenne. docteur en civilisation, co-rédactrice en chef de *Regards sur l'Est*. (www.diploweb.com/forum/bayou06054.htm) (2006); *Facon Isabelle*. Russie-Union Européenne: l'enjeu du voisinage commun. // *Annuaire Français de Relations Internationales. AFRI 2007, volume VIII; Mongrenier Jean-Sylvestre*. Le «nihilisme juridique» russe et la géopolitique Russie-Occident. le 23 janvier 2011; *Géopolitique de la Russie* : Vladimir Poutine, an III. (<http://www.diploweb.com/p5mas-sada26.htm>) (2003); *Gabouleaud Laurence*. Russie – Union européenne: quelles stratégies en matière d'investissements? le 3 mai 2010. <http://www.diploweb.com/Russie-Union-europeenne-queelles.html>; Verluise Pierre. Géopolitique de l'élargissement de l'Union européenne aux pays d'Europe centrale et orientale : Qui perd gagne? (<http://www.diploweb.com/p5verl08.htm>).
- ³⁵ Thom Française. Op. cit.
- ³⁶ Verluise Pierre. URSS-Russie, 1991-2011 : quels héritages stratégiques à l'égard de l'Union européenne? le 22 mai 2011; *Besançon Alain*. Les frontières orientales de l'Europe. Le cas russe. // *Commentaire*, n0134, 1995; *Raviot Jean-Robert*. Qui dirige la Russie? (www.lignes-de-reperes.com).
- ³⁷ Thom Française. Op. cit.; *Mongrenier Jean-Sylvestre*. Le «nihilisme juridique» russe et la géopolitique Russie-Occident. le 23 janvier 2011.
- ³⁸ *Besançon Alain*. Les frontières orientales de l'Europe. Le cas russe. // *Commentaire*, n0134, 1995.
- ³⁹ *Sur Serge*. La Russie. // *Questions internationales* n° 27 / septembre-octobre 2007. См. также: Sylvain Kahn, *Géopolitique de l'Union européenne*, Armand Colin, 2007 (http://www.cafe-geo.net/article.php3?id_article=1308); *Russie – Union européenne: quelles stratégies en matière d'investissements?* Par Laurence GABOULEAUD, le 3 mai 2010. (<http://www.diploweb.com/Russie-Union-europeenne-queelles.html>); *André Brigot* «Persistance et utilité des recherches de géopolitique». // *Études internationales*, vol. 31, n° 3, 2000; *Juppé A. et Luis Schweitzer* (sous la prés. de). *La France et l'Europe dans le monde. Livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France. 2008-2020*. – La Documentation Française, Paris, 2008.
- ⁴⁰ *Laurence GABOULEAUD*. Russie – Union européenne : quelles stratégies en matière d'investissements? le 3 mai 2010. <http://www.diploweb.com/Russie-Union-europeenne-queelles.html>.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² Bayou Céline. Russie-Europe...
- ⁴³ *Chatré Baptiste*. Le contexte du rapprochement UE-Russie. 24 mars 2010 (<http://www.afri-ct.org/Le-contexte-du-rapprochement-UE>).
- ⁴⁴ Ibidem.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ В этой связи не случайным выглядит замечание А.Бриго, касающееся одного из известных представителей французской геополитики генерала П. Галлуа, который «в 1990 публикует содержательную работу "Геополитика", после чего, однако, в своих геополитических исследованиях тесно сотрудничает с ярым антисоветским, а затем антироссийским журналом Мари-Франс Гаро "Гéополитique"». (см.: *Brigot A.* Op. cit., p. 552).
- ⁴⁷ *Sur S.* La Russie... Op. cit.
- ⁴⁸ *Mongrenier Jean-Sylvestre*. Le «nihilisme juridique» russe..., Op.cit.
- ⁴⁹ *Barbe A.* La puissance européenne en question (<http://www.afri-ct.org/La-puissance-europeenne-enquestion>).
- ⁵⁰ *Gouliani J.-D.* Une politique étrangère européenne est-elle possible? Op. cit.
- ⁵¹ Ален Безансон: французские фирмы плохо информированы о ситуации в России (<http://сахара-desert.livejournal.com/64446.html>).
- ⁵² *Herique C.* Op. cit.
- ⁵³ *Sur S.* La Russie... Op. cit.
- ⁵⁴ *Sur S.* La Russie... Op. cit.
- ⁵⁵ *Dubien A.* Nicola Sarkozy et la Russie, ou triomphe de la Realpolitik. // *La Revue internationale et stratégique*. 77, printemps 2010, p.131.
- ⁵⁶ См. об этом: Guillaume Durin. Morale maximale. morale minimale (http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/polit_0032-342x_2005_num_70_1_1099_t1_0197_0000_2).
- ⁵⁷ *Michael Walzer*. «Les deux universalismes», *Esprit*, décembre 1992. P. 114-133
- ⁵⁸ Так, Ив Лякост предложил резервировать термин «геополитика» для дискуссий и сопоставления позиций граждан одной и той же нации, а термин «геостратегия» – для исследования соперничества и антагонизма между враждебными государствами или политическими силами. Геополитика, с этой точки зрения, является как бы новым дебатов, а геостратегия – старый феномен. См. об этом: *Brigot A.* Persistance et utilité des recherches de géopolitique (<http://id.erudit.org/iderudit/704187ar>).